РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЬДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТІЯ.

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

„Пров 49"

СТУДЕНЧЕСКОЕ ДВИЖЕНІЕ ВЪ РОССІИ

СИБИРЯКА.

Изданіе Союза русскихъ соціальдемократовъ.

ЖЕНЕВА.

Типографія „Союза". Genève, chemin de la Cluse. № 7.

1899

„Пров '0"

Студенческое движеніе въ Россіи.

Царское правительство какъ огня боится всякихъ „дѣйствій скопомъ“, будетъ ли это стачка рабочихъ, крестьянскій „бунтъ“ или наконецъ студенческіе „безпорядки“. Всѣ такія дѣйствія сообща россійскихъ гражданъ правительство считаетъ „буйствомъ и своеволіемъ“, наказуемыми по всей строгости законовъ и административнаго произвола. Россійскіе самодержцы вполнѣ основательно усматриваютъ въ этихъ дѣйствіяхъ признаки недовольства „вѣрноподданныхъ“ господствующими на Руси порядками, формы протеста и борьбы противъ экономическаго гнета или политическаго безправія и неограниченнаго произвола.

Лучшая часть учащейся молодежи въ Россіи всегда была враждебна самодержавному правительству: до начала 90-хъ годовъ изъ нея рекрутировались главныя силы революціонно-соціалистическихъ партій, а теперь цвѣтъ русскаго студенчества борется въ рядахъ соціальдемократической партіи. Представляя наиболѣе воспріимчивую и дѣятельную часть оппозиціонной интеллигенціи, еще не успѣвшую потонуть въ житейской грязи и погонѣ за теплыми мѣстечками, передовое студенчество всегда было отзывчиво на бѣдствія рабочаго народа.

Тотчасъ послѣ уничтоженія крѣпостничества интеллигентная молодежь съ увлеченіемъ занялась просвѣщеніемъ освобожденнаго народа путемъ школъ, библіотекъ, чтеній и т. д. Но эта просвѣтительная дѣятельность показалась правительству чуть-ли не потрясеніемъ государственныхъ основъ: всѣ частныя школы и библіотеки приказано было закрыть, а виновниковъ-просвѣтите-

лей подвергнуть мѣрамъ административной „кротости и увѣщанія“.

Всѣмъ памятно знаменитое „хожденіе въ народъ“ соціалистической интеллигенціи въ началѣ 70-хъ годовъ, когда тысячи молодыхъ людей обоего пола, воодушевленныхъ страстнымъ желаніемъ разсѣять духовную тьму народа и содѣйствовать улучшенію его тяжелаго положенія, шли въ села и деревни съ проповѣдью идей соціализма. Крестьянство оказалось тогда невосприимчивымъ къ соціалистической пропагандѣ, а правительство разилось жестокими преслѣдованіями на мирныхъ апостоловъ соціализма: ихъ сотнями арестовывали, высылали и сажали въ тюрьмы.

Но движеніе не заглохло, а лишь приняло другой характеръ подъ вліяніемъ какъ опыта жизни, такъ и правительственныхъ преслѣдованій. Между прочимъ соціалистическая интеллигенція начала обращать большее вниманіе на городскихъ рабочихъ, какъ болѣе отзывчивыхъ и способныхъ къ организаціи. Но жестокія преслѣдованія со стороны правительства нарушили правильное развитіе движенія,—отъ пропагандистской и организаціонной дѣятельности въ рабочей средѣ соціалисты постепенно отвлекались, будучи вынуждены начать открытую борьбу съ правительствомъ. Не имѣя за собою поддержки сознательныхъ и организованныхъ массъ рабочаго класса, соціалисты народовольцы оказались побѣжденными въ неравной борьбѣ, хотя и проявили чудеса личнаго геройства.

Восьмидесятые годы представляютъ время злѣйшей реакціи и мракобѣсія во всѣхъ областяхъ общественной жизни. Это мракобѣсіе рѣзко проявилось и въ средѣ народнаго образованія. Университеты были „реформированы“ въ духѣ Каткова, Делянова и К°. По новому уставу университеты лишались и той доли свободы, которую предоставлялъ имъ уставъ 1863 г. Назначеніе профессоровъ стало зависѣть не отъ выбора достойнѣйшихъ совѣтомъ профессоровъ, а отъ произвола министерства. Мѣсто университетскаго суда занялъ произволъ администраціи и полиціи. Въ лицѣ инспекціи и цѣлой арміи педелей университеты наводнены полицейскими и шпіонами, задачей которыхъ является „искорененіе крамолы“ въ средѣ учащейся молодежи. Студенты лишились академической свободы, которою они до нѣкоторой степени пользовались раньше,— даже студенческія библіотеки и столовыя были закрыты, какъ „опасныя въ государственномъ отношеніи“. Введеніемъ государственныхъ экзаменовъ съ угодными правительству программами университетскаго курса и свободная наука была взята подъ надзоръ полиціи. Лучшіе и честно мыслящіе профессора лишались кафедръ министерствомъ народнаго затемненія или сами предпочитали лучше покинуть родину и работать заграницей, чѣмъ сносить позорный гнетъ полицейскаго надзора въ области науки.

Пироговыхъ и Боткиныхъ смѣнила клика Захарьина, мѣсто

Ковалевскихъ и Муромцевыхъ заняли Боголѣповы; даже нашъ великій химикъ Менделѣевъ оказался неблагонадежнымъ человѣкомъ въ глазахъ Деляновыхъ и Побѣдоносцевыхъ. Косо посматривали и на извѣстнаго историка Ключевскаго до его позорной рѣчи — хвалебнаго гимна Александру III.

Духъ свободнаго исканія и преподаванія научной истины замѣнился у профессоровъ чтеніемъ лекцій, соотвѣтствующихъ вкусамъ государственной полиціи, а у студентовъ развивался духъ карьеризма и безучастность къ злобамъ дня общественной жизни. Гордые своей безыдейностью „восьмидесятники“, спеціалисты по части пьянства и разврата „бѣлоподкладочники“ и не вѣдавшіе, чего ихъ душа желаетъ, интеллигентные „толстовцы“ — таковы были плоды отдачи науки, профессоровъ и студенества подъ охрану третьяго отдѣленія. И все-таки надежды господъ Катковыхъ, Деляновыхъ и Побѣдоносцевыхъ не оправдались, ихъ ликованіе было кратковременно. Въ своемъ письмѣ къ Александру II о необходимости отмѣнить уставъ 1863 года реакціонеръ Катковъ увѣрялъ „всемилостивѣйшаго государя“, что „надзоръ за студентами и *ихъ огражденіе отъ вредныхъ вліяній* можетъ стать правдою лишь при новомъ уставѣ“ и что „успѣшнымъ выполненіемъ этой реформы *смута была бы поражена въ одномъ изъ главныхъ своихъ источниковъ*“. Ни „ограждение“ студенчества „отъ вредныхъ вліяній“, ни „пораженіе смуты“ правительству не удались. Наши реакціонеры забыли, что революціонизируетъ умы, воспламеняетъ молодые сердца жаждой борьбы съ господствующимъ произволомъ и неправдой сама печальная русская дѣйствительность, что сама жизнь оказываетъ „вредное вліяніе“ и порождаетъ „смуту“. Передовая часть русскаго студенчества и впродолженіе 80-хъ годовъ не переставала выдѣлять изъ своей среды дѣятельныхъ пропагандистовъ соціализма, а въ стѣнахъ университета она энергично протестовала противъ введенія новаго устава, недопущенія въ гимназіи и университеты „кухаркиныхъ дѣтей“ и противъ другихъ реакціонныхъ мѣръ правительства въ области народнаго образованія.

Съ начала 90-хъ годовъ въ русской общественной жизни совершается громадной важности перемѣна. Ужасное бѣдствіе русскаго народа — голодъ 1891—92 годовъ — всколыхало стоячее болото, многимъ открыло глаза на пагубность господствующей въ Россіи правительственной системы, особенно враждебной интересамъ трудящихся. Русская учащаяся молодежь отзывчиво шла на помощь голодающимъ, а болѣе сознательная и энергичная часть ея перешла въ ряды соціалистовъ, чтобы вести непосредственную борьбу съ врагами рабочаго народа. Къ началу же 90-хъ годовъ относится и возникновеніе массоваго рабочаго движенія: борьба путемъ стачекъ за лучшія условія труда принимаетъ все болѣе широкіе размѣры, а на ряду съ этимъ въ рабочихъ массахъ пробуждается жажда знанія. Передовая учащаяся

молодежь дала изъ своей среды не только легальныхъ дѣятелей въ области народнаго образованія, но и много самоотверженныхъ революціонеровъ, интеллигентныхъ руководителей экономической борьбы рабочихъ, пропагандистовъ и агитаторовъ соціальдемократическаго движенія. Развилось новое „хожденіе въ народъ“ интеллигенціи, на этотъ разъ болѣе сознательное и организованное. Правительство забило тревогу. Вотъ что писалъ *„Совершенно довѣрительно“* Министръ Внутреннихъ Дѣлъ Дурново Оберъ-Прокурору Святѣйшаго Сунода Побѣдоносцеву 18 марта 1895 г.: „Милостивый Государь Константинъ Петровичъ! Свѣдѣнія, получаемыя въ теченіи послѣднихъ лѣтъ, свидѣтельствуютъ, что лица неблагонадежныя въ политическомъ отношеніи, а также *часть учащейся молодежи извѣстнаго направленія*, по примѣру шестидесятыхъ годовъ стремится къ поступленію въ воскресныя школы въ качествѣ преподавателей, лекторовъ, библіотекарей и т. д. Такое систематическое стремленіе, не оправдываемое даже изысканіемъ способа пріобрѣтенія средствъ для существованія, такъ какъ всѣ обязанности въ подобныхъ школахъ исполняются безвозмездно, доказываетъ, что вышеозначенное явленіе представляетъ собою одно изъ средствъ борьбы на легальной почвѣ съ существующимъ въ Россіи государственнымъ порядкомъ и общественнымъ строемъ противоправительственныхъ элементовъ“. Въ заключеніе предлагаются, конечно, обычныя полицейскія средства борьбы съ „неблагонадежными въ политическомъ отношеніи“ просвѣтителями народа. А въ столь же *„довѣрительномъ“* письмѣ Дурново къ Министру Народнаго Просвѣщенія Делянову отъ 5-го февраля 1895 г. говорится: „Неурожай 91 г. и холера 92 и 93 г. выдвинули усиленный наплывъ молодежи въ деревню и въ результатѣ оживили нѣсколько заглохшее въ теченіи 80-хъ годовъ стремленіе русской молодежи къ поднятію, по личному почину интеллигенціи, умственнаго уровня народа. Изъ имѣющихся въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ свѣдѣній можно заключить, что это движеніе, охватывающее молодежь, развивается послѣдовательно и имѣетъ характеръ не случайнаго, временнаго явленія, а какъ бы систематическаго осуществленія программы и представляется однимъ изъ средствъ борьбы съ правительствомъ, на легальной почвѣ, противоправительственныхъ элементовъ“. Эти секретные документы шефа россійской жандармеріи и полиціи неопровержимо свидѣтельствуютъ, что козни реакціонеровъ по отношенію къ интеллигентной молодежи не удались: ни блестящая студенческая форма, ни затрудненіе доступа къ высшему образованію „кухаркинымъ дѣтямъ“, ни высокая плата за право ученія, ни удаленіе лучшихъ профессоровъ, ни полицейская охрана студентовъ и университетской науки не убили въ передовой учащейся молодежи „душу живую“, любовь къ трудящемуся народу и ненависть къ самодержавному правительству. И правительство жестоко мстило и мститъ интеллигентной молодежи за

это: изъ года въ годъ сотни, тысячи интеллигентныхъ борцовъ за рабочее дѣло арестовываются, сажаются въ тюрьмы, ссылаются въ Сибирь и „не столь отдаленныя мѣста“.

Въ стѣнахъ учебныхъ заведеній формой протеста и борьбы интеллигентной молодежи съ господствующей на Руси системой произвола и мракобѣсія являются такъ называемые студенческіе „безпорядки“. Поводомъ ихъ служатъ какъ вопросы студенческаго быта, такъ и злобы дня русской общественной жизни. Не останавливаясь на этомъ подробно, мы лишь перечислимъ главные изъ студенческихъ безпорядковъ послѣдняго десятилѣтія. Весною 1890 года были волненія студентовъ, захватившія большинство высшихъ учебныхъ заведеній Россіи по поводу „реформы“ Петровско-Розумовской Академіи въ духѣ новаго университетскаго устава. Главнымъ требованіемъ студентовъ повсюду было — введеніе устава 1863 года и уничтоженіе полицейскихъ мѣръ, стѣсняющихъ свободу высшаго образованія и права студенчества. Сотни студентовъ подверглись тогда исключенію и другимъ административнымъ карамъ.

Въ концѣ 1895-го и началѣ 1896 года многіе студенты отказывались давать присягу Николаю II-му, заявившему въ манифестѣ при восшествіи на престолъ о намѣреніи во всемъ „слѣдовать по стопамъ незабвеннаго родителя“. За такую дерзновенность молодыхъ гражданъ, не хотѣвшихъ быть „вѣрноподданными“ самовластнаго царя, ихъ высылали тогда административнымъ порядкомъ изъ Петербурга и Москвы.

Коронація царя-„миротворца“ ознаменовалась кровавымъ злодѣяніемъ правительства. По винѣ царскаго дядюшки — московскаго генералъ-губернатора Сергія и оберъ-полиціймейстера Власовскаго оказались убитыми тысячи крестьянъ и босяковъ, хотѣвшихъ получить „царскій подарокъ“. Въ полугодовщину этого ужаснаго событія передовая часть московскаго студенчества устроила демонстрацію въ церкви и по дорогѣ на кладбище, гдѣ были похоронены убитые при ходынской катастрофѣ. Этимъ студенчество напомнило правительству о совершенномъ имъ преступленіи. Вмѣшательство казаковъ и полиціи, аресты и высылки демонстрантовъ были причиной дальнѣйшихъ волненій московскаго студенчества. Болѣе ста человѣкъ студентовъ, обратившихъ на себя „особое вниманіе администраціи“*), подверглись тогда исключенію изъ университета и административнымъ наказаніямъ.

Въ мартѣ 1897 г. русская учащаяся молодежь единодушно выразила энергичный протестъ противъ звѣрскихъ преслѣдованій соціалистовъ по поводу смерти новой жертвы самодержавія, курсистки Вѣтровой, доведенной до самоубійства въ казематѣ Петропавловской крѣпости. И эти „безпорядки“ стоили русскому студенчеству многихъ жертвъ административнаго произвола.

*) Слова правительственнаго сообщенія.

Осенью 1897 г. студенты Петербургскаго, Варшавскаго, Московскаго и Кіевскаго университетовъ выразили свой протестъ противъ увѣковѣченія памяти (по поводу закладки памятника) Муравьева-вѣшателя, этого кровожаднаго палача, которымъ россійскій деспотизмъ пользовался для угнетенія польскаго и литовскаго народовъ. Въ прошломъ году „безпорядки" варшавскаго и и кіевскаго студенчества повторились,—польское и русское студенчество снова протестовало по поводу открытія памятника Муравьеву-вѣшателю и демонстративно выражало свое сочувствіе революціонной памяти Мицкевича, величайшаго польскаго поэта и борца за свободу польскаго народа.

Изъ этого краткаго перечня мы видимъ, что за исключеніемъ „чисто"-студенческихъ волненій 1890 г., направленныхъ къ борьбѣ за академическую свободу, остальные „безпорядки" учащейся молодежи имѣли общественно-политическій характеръ: они были смѣлымъ протестомъ молодыхъ гражданъ Россіи противъ господствующей системы азіатскаго деспотизма и произвола. Такимъ образомъ лучшая часть учащейся молодежи не только принимаетъ участіе въ общемъ русскомъ революціонномъ движеніи, какъ пропагандисты соціализма и организаторы рабочихъ массъ, но и въ храмахъ науки дѣятельно борется за свободу и противъ самодержавнаго произвола.

Въ нынѣшнемъ году вниманіе не только всей Россіи, а и университетскаго Запада поглощало безпримѣрное по своимъ размѣрамъ, стойкости и организованности студенческое движеніе. Въ студенческой забастовкѣ участвовали *всѣ* высшія учебныя заведенія Россіи, общія и спеціальныя. Число студентовъ-забастовщиковъ достигло громадной цифры 25,000. Каковы же причины, цѣли и общественное значеніе студенческаго движенія 1899 года? Общей причиной недовольства *петербургскаго* студенчества было усиленіе административно-полицейскихъ стѣсненій въ университетѣ за время ректорства профессора Сергѣевича; а ближайшимъ поводомъ къ возникновенію „безпорядковъ" тамъ послужило грубое и бестактное „предостереженіе" градоначальника по адресу студентовъ, вывѣшенное 5 февраля съ одобренія и за подписью ректора въ университетѣ. Это объявленіе содержало оскорбительныя угрозы, что въ случаѣ какихъ-либо безпорядковъ въ день университетскаго праздника студенты, виновные въ нарушеніи общественной тишины, будутъ подвергнуты строгимъ наказаніямъ отъ выговора до увольненія, тюремнаго заключенія и высылки включительно. Эта бестактная выходка начальниковъ общей и университетской полиціи тѣмъ болѣе возмутила студентовъ, что еще раньше въ университетѣ была сходка, на которой студенты единодушно постановили: всѣми силами стремиться къ устраненію возможности нарушеній порядка. Рѣшеніе сходки не могло быть неизвѣстно правленію университета, которое все-

таки сочло нужнымъ возбуждать студенчество угрозами наказаній за несовершенныя преступленія.

Глупый и вызывающій поступокъ Сергѣевича лишь переполнилъ чашу общаго недовольства студентовъ университетскими порядками. На слѣдующій день послѣ того, какъ было вывѣшено объявленіе, въ университетѣ состоялась сходка, на которой студенты рѣшили освистать ректора во время торжественнаго акта. Объявленіе было сорвано и уничтожено студентами. Общая полиція не хотѣла остаться позади университетской въ провокаціи студенчества и 8 февраля, въ день университетскаго праздника, дворы академіи наукъ и академіи художествъ, расположенныхъ по обѣ стороны университета, были заняты пѣшей и конной полиціей. На актѣ, въ присутствіи министра финансовъ Витте, митрополита Антонія, всѣхъ профессоровъ и массы посторонней публики, студенты единодушно освистали ректора и не дали ему говорить. Изъ 2000 присутствовавшихъ студентовъ лишь 100—200 человѣкъ не участвовали въ демонстраціи противъ ученаго союзника полиціи. Послѣ акта студенты собрались и рѣшили, въ виду особыхъ мѣръ, принятыхъ полиціей, не совершать обычной прогулки по Невскому съ пѣніемъ „Дубинушки“, а тихо разойтись по домамъ. Но миролюбіе студентовъ не избавило ихъ отъ дикостей полиціи. Большая часть студентовъ, живущая на Васильевскомъ Островѣ, ушла чрезъ задній ходъ университета и благополучно разбрелась по домамъ. Другая же часть, живущая въ самомъ городѣ (отдѣленномъ отъ Вас. Острова Невой), группами, не болѣе 6 человѣкъ, направилась кратчайшимъ путемъ по Дворцовому мосту. Часть ихъ успѣла перейти, какъ вдругъ появились скрывавшіеся на задворкахъ эскадроны конной полиціи и выстроились отъ одного тротуара до другого, преградивъ студентамъ путь чрезъ мостъ. А между тѣмъ сзади подходило все большее число студентовъ. Послѣ безплодныхъ переговоровъ съ полиціей студенты повернули обратно. Оставалась одна дорога *) черезъ Николаевскій мостъ, куда и направились публика и студенты. Между обоими мостами находится электрическій перевозъ чрезъ Неву. Здѣсь часть публики, хотѣвшей воспользоваться перевозомъ, невольно столпилась въ ожиданіи его и здѣсь то разыгралось то *возмутительное дикое избіеніе студентовъ полиціей*, которое послужило *дѣйствительной причиной всероссійскаго студенческаго движенія*. Пользуясь свидѣтельствами очевидцевъ, мы опишемъ бойню въ нѣсколькихъ словахъ. Для изображенія всего ужаса этой сцены звѣрскаго насилія правительственныхъ башибузуковъ надъ беззащитными гражданами, надо бы имѣть перо художника.

*) Переходъ по льду былъ нарочно заранѣе испорченъ полиціей, изрубившей ледъ у берега на $2^1/_2$ аршина.

Важно замѣтить, что въ этотъ день съ самаго начала жандармы и конная полиція вели себя по отношенію къ студентамъ очень грубо и вызывающе: отпускали шуточки, топтали лошадьми на панели, грозили и т. д. Характеренъ фактъ, что конная полиція имѣла въ этотъ день нагайки, тогда какъ по уставу она ихъ не должна имѣть. Спрашивается, кто приказалъ ей вооружиться нагайками и съ какою цѣлью? Но всѣмъ признакамъ было видно, что полиція хочетъ вызвать столкновеніе. Студенты все крѣпились и сдерживали себя. Но вдругъ произошла сценка такого рода. Начальникъ коннаго полицейскаго эскадрона, офицеръ баронъ Нолькенъ, въ сопровожденіи рядового нагоняетъ толпу студентовъ и начинаетъ что-то кричать на нихъ, при этомъ онъ сшибъ съ ногъ лошадью одного студента; послѣдній вскочивъ запустилъ въ гарцующаго офицера снѣжкомъ. Примѣру его послѣдовали другіе товарищи-студенты и оба всадника скрылись. Но не успѣли студенты пройти и сотни шаговъ далѣе, какъ вдругъ они увидѣли, что на нихъ скачетъ цѣлый эскадронъ конной полиціи съ тѣмъ же офицеромъ во главѣ. Послѣ нѣсколькихъ новыхъ снѣжковъ, которыми студенты хотѣли остановить мчавшихся лошадей, какъ и маханіемъ поднятыми съ улицы метлами, начальникъ эскадрона напомнилъ своимъ подчиненнымъ объ ихъ присягѣ и скомандовалъ: „маршъ-въ плети!" „не повѣсятъ же насъ изъ-за этой сволочи-студентовъ", добавилъ наглецъ.

Конные полицейскіе съ нагайками въ рукахъ врѣзались въ беззащитную толпу, на половину состоящую изъ посторонней публики, и стали хлестать нагайками направо и налѣво. Били звѣрски всѣхъ, не разбирая ни пола ни возраста. Били въ кровь женщинъ и мущинъ, молодыхъ и старыхъ, но съ особой жестокостью били студентовъ. Женщинъ и дѣвицъ курсистокъ, спасавшихся бѣгствомъ, догоняли разъяренные башибузуки и хлестали нагайками. Профессоръ-ботаникъ Гоби спасся отъ плетей, лишь перескочивъ черезъ высокую ограду Румянцевскаго сада. Профессоръ философіи Введенскій получилъ нѣсколько ударовъ нагайкой и тутъ же разрыдался. Профессора Форстека полицейскій офицеръ схватилъ за шиворотъ и сильно встряхнулъ. „Однимъ словомъ" пишетъ намъ очевидецъ, „картина получилась такая омерзительная, что хотя казалось бы и можно было привыкнуть къ тому, что каждый часъ и день бьютъ русскій народъ не плетью, а обухомъ, однако страшно и вспомнить"... Чувство безсильной злобы, жгучей обиды и стыда за поруганное человѣческое достоинство охватило толпу, надъ которой царскіе опричники произвели свою дикую расправу.

И эту звѣрскую бойню, учиненную полиціей надъ беззащитными людьми, царь въ своемъ приговорѣ имѣлъ безстыдство называть „*обоюдными* насильственными дѣйствіями, начатыми студентами"...

За человѣка, за русскій народъ страшно дѣлается, когда по-

думаешь, что подобныя звѣрства и набѣги разбойничьихъ шаекъ „блюстителей порядка" на мирныхъ гражданъ возможны безнаказанно среди бѣла дня на главныхъ улицахъ столицы. Не даромъ заграничные сатирическіе журналы изображаютъ русскаго царя медвѣдемъ, у котораго въ одной лапѣ бутылка водки, а въ другой кнутъ — настоящій гербъ самодержцевъ-Романовыхъ. Одурманивая русскій народъ „монопольной" сивухой, царское правительство забиваетъ, позоритъ его тѣлесными наказаніями „податного"-крестьянства, варварскими истязаніями „бунтовщиковъ"-крестьянъ и стачечниковъ-рабочихъ, какъ было напр. зимой въ Петербургѣ же на фабрикѣ Максвеля. Теперь и русская интеллигенція — профессора и студенты и буржуазная публика испытали на себѣ позоръ нагайки царскихъ опричниковъ...

Къ счастью, на этотъ разъ насилія правительственныхъ башибузуковъ не остались безъ отплаты — все русское студенчество отвѣтило на нихъ рѣшительнымъ протестомъ. Учащаяся молодежь всей Россіи безъ различія національностей и политическихъ убѣжденій единодушно и смѣло выступила на защиту личной неприкосновенности и человѣческаго достоинства гражданъ. На слѣдующій же день послѣ возмутительной бойни студенты петербургскаго университета въ числѣ 2000 человѣкъ собрались въ одной изъ аудиторій, чтобы обсудить форму протеста. Явившійся ректоръ уговаривалъ разойтись и дѣйствовать установленнымъ судебнымъ порядкомъ. Но студенты уже часто имѣли случай убѣждаться, что въ русскихъ судахъ трудно искать защиты отъ насилій полиціи. Была отвергнута большинствомъ и подача студентами петиціи, въ которой бы выражался протестъ и требованіе наказанія виновниковъ бойни. На основаніи прошлаго опыта говорили, что студенческія петиціи оставляются правительствомъ безъ вниманія, да и унизительно для русскаго студенчества *просить* насильниковъ. Наконецъ въ собраніи 10 февраля, на которомъ присутствовало 2500 человѣкъ и состоявшемся опять въ зданіи университета, петербургское студенчество послѣ горячихъ дебатовъ (говорило 23 оратора) единодушно рѣшило выразить свой протестъ, привлечь вниманіе общества къ учиненному полиціей насилію и заставить правительство разсмотрѣть это вопіющее дѣло путемъ закрытія университета, т. е. *общей забастовкой студентовъ*.

Это рѣшеніе собраніе выразило въ слѣдующей резолюціи: „Мы возмущены насиліемъ, жертвами котораго были 8-го февраля, насиліемъ, унижающимъ человѣческое достоинство, насиліемъ, которое къ стыду нашему еще имѣетъ мѣсто въ Россіи для самаго темнаго и безгласнаго слоя населенія. Мы, вообще, для всѣхъ считаемъ такое насиліе оскорбительнымъ и протестуемъ противъ него. Поэтому мы объявляемъ С.-Петербургскій университетъ закрытымъ и всѣми силами будемъ добиваться оффиціальнаго его

закрытія. Мы не откроемъ университета до тѣхъ поръ, *пока намъ не будутъ даны гарантіи личной неприкосновенности*"*).

Было рѣшено сначала обратиться къ ректору и всѣмъ профессорамъ съ требованіемъ прекратить чтеніе лекцій, а если кто изъ нихъ откажется, то препятствовать чтенію шумомъ. 11-го февраля уполномоченные отъ студентовъ передали рѣшеніе сходки всѣмъ профессорамъ и къ чести ихъ надо сказать, что за исключеніемъ защитника розги — Сергѣевскаго (профессора уголовнаго права), буржуйнаго экономиста Георгіевскаго, сенатора Файницкаго и профессора математики Маркова, всѣ профессора согласились прекратить временно занятія. А по отношенію къ названнымъ выше профессорамъ не пришлось даже прибѣгать къ „обструкціи" —мѣшанію занятіямъ,—такъ какъ ихъ аудиторіи оказались пустыми. На сходку этого дня заявился ректоръ и произнесъ очень характерную рѣчь. Приведемъ нѣсколько цвѣтовъ полицейскаго краснорѣчія этого ученаго лакея правительства. „Вопервыхъ студентамъ не предоставлено рѣшать вопросовъ"(?). Вовторыхъ: „Подумайте, развѣ можетъ быть терпима русскимъ правительствомъ революція, хотя бы и въ стѣнахъ университета... Въ университетѣ функціонируетъ „временное правительство"... Нормальный порядокъ нарушенъ и я могу лишь сказать: подумайте, вы смѣстили меня, а вѣдь за ректоромъ стоитъ попечитель, за нимъ министръ, а за министромъ тотъ, высочайшей волей котораго я облеченъ властью ректора... Господа, нерѣдко случается, что усердная полиція перехватываетъ черезъ край, *но... что же дѣлать? Въ дисциплинарномъ порядкѣ преслѣдовать ее за это трудно. Я даже не удивлюсь, если мнѣ сообщатъ вскорѣ, что поручикъ* (начальникъ полицейской шайки, бившей студентовъ) *получилъ чинъ штабсъ-капитана. Средствъ бороться нѣтъ. Никакихъ мѣръ принимать невозможно*"... „Изъ-за того, что полиція *дѣлаетъ глупости*, не слѣдуетъ нарушать законовъ... Вообще *нельзя ожидать, чтобы полиція была деликатна*". И эту

*) Позднѣе организаціонный комитетъ петербургскаго студенчества такъ опредѣлилъ характеръ и цѣль движенія: „Мы разсматриваемъ данное событіе (дикую расправу полиціи), какъ единичный фактъ *господствующаго въ Россіи строя, основаннаго на произволѣ, безправіи и полной необезпеченности* или даже отсутствіи самыхъ необходимыхъ, скажемъ болѣе, *священныхъ правъ развитой человѣческой личности*. Протестъ нашъ былъ такимъ образомъ протестомъ противъ царящаго въ Россіи произвола и единственную гарантію противъ него мы видимъ, конечно, въ законѣ и его неприкосновенности. Въ данномъ случаѣ мы требовали судебной отвѣтственности полиціи. *Мы протестовали во имя права и закона противъ насилія и произвола*". (Заявленіе отъ 4-го марта).

рабью покорность дикому произволу и нагайкѣ царскихъ опричниковъ проповѣдуетъ *извѣстный русскій ученый законовѣдъ*.

Вотъ до какого разврата мысли и чувства доводитъ господствующая въ Россіи система мракобѣсія и полицейскаго самовластія! Вѣсть о дикомъ насиліи, учиненномъ полиціей надъ студентами петербургскаго университета съ быстротою молніи облетѣла всѣ высшія учебныя заведенія Россіи и вызвала общее негодованіе. Вся учащаяся молодежь единодушно присоединилась къ протесту и основнымъ требованіямъ петербургскаго студенчества: защиты личной неприкосновенности отъ дикаго произвола полиціи и права возбуждать судебныя преслѣдованія противъ чиновъ полиціи безъ согласія ихъ непосредственнаго начальства. 12 февраля уже забастовали студенты всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеній Петербурга, а въ слѣдующіе дни забастовка распространилась и на всѣ университеты и спеціальные институты другихъ городовъ Россіи.

Движеніе поражаетъ не только своею обширностью, безпримѣрною въ исторіи студенческихъ волненій, но и прекрасной организованностью. Всюду оно велось по одному плану: устраивались сходки, на которыхъ присутствовали послы изъ другихъ городовъ, выбирались уполномоченные, которые составляли организаціонный комитетъ, руководившій движеніемъ, ежедневно издавались бюллитени о ходѣ студенческаго движенія вообще и въ данномъ учебномъ заведеніи или городѣ въ особенности. Между всѣми университетскими городами поддерживались живыя сношенія какъ письменно, такъ и черезъ пословъ. Этотъ примѣръ всеобщей стачки россійскихъ студентовъ очень поучителенъ.

Уже 12 февраля правительство начало „укрощеніе строптивыхъ“ полицейскими мѣрами. Утромъ въ Петербургскомъ университетѣ было вывѣшено объявленіе: „По соглашенію министровъ Народнаго Просвѣщенія и Внутреннихъ Дѣлъ, всякія сходки воспрещаются; студенты, мѣшающіе правильному чтенію лекцій, будутъ исключены изъ университета и высланы изъ столицы“. Насилія полиціи смѣнялись произволомъ администраціи. Но и полиція не дремала. Когда 12-го въ университетѣ собралось много студентовъ, то явилась конная и пѣшая полиція и заняла всѣ входы и выходы. Пріѣхалъ и градоначальникъ Клейгельсъ, имѣвшій нахальство обратиться къ студентамъ съ рѣчью, въ которой онъ пресерьезно увѣрялъ, что въ сущности 8-го февраля пострадала несчастная полиція, что она всегда гуманна и даже полицейскія инструкціи построены на текстѣ евангелиста Луки: „Любите ближняго, какъ самого себя“. Послѣ этого можно лишь пожалѣть, что господинъ Клейгельсъ не попалъ 8-го февраля въ число „ближнихъ“ предводительствуемой имъ шайки. Авось тогда онъ не болталъ бы такихъ мерзостей. На утвержденіе студентовъ, что ихъ били нагайками, Клейгельсъ дерзко заявилъ: „не можетъ быть, у нихъ даже нѣтъ нагаекъ!“ — Но тутъ же онъ имѣлъ

неосторожность позвать стоявшаго вблизи городового и спросить его: „есть у тебя нагайка?“ —„Такъ точно, ваше превосходительство!“ отрапортовалъ полицейскій и вынулъ изъ сапога казацкую нагайку. Въ тотъ же день кѣмъ-то изъ „блюстителей порядка“ былъ сдѣланъ въ одной изъ аудиторій поджогъ, чтобы дать поводъ войти въ университетъ заготовленнымъ поблизости пожарнымъ и разогнать студентовъ водой изъ насосовъ. Но студенты во время замѣтили огонь и потушили его сами. Послѣ единогласнаго рѣшенія студентовъ продолжать забастовку, полиція переписала всѣхъ, бывшихъ тогда въ университетѣ и выпустила ихъ.

На слѣдующій день—13-го—университетъ былъ окруженъ съ утра конной и пѣшей полиціей. Студентовъ пускали внутрь, но когда тамъ собралось ихъ тысячи полторы, то входъ закрыли, а столпившихся на улицѣ человѣкъ 500 студентовъ окружили жандармы и полиція и повели въ манежъ. Полицейскихъ было болѣе 1000. Затѣмъ начали выпускать студентовъ изъ университета, отбирая у нихъ билеты. То-же было продѣлано черезъ нѣсколько времени и съ студентами, отведенными въ манежъ. Хозяйничанье полиціи въ университетѣ продолжалось до 16-го, когда состоялся наконецъ запрещенный раньше министерствомъ совѣтъ профессоровъ, на которомъ было постановлено просить министра народнаго просвѣщенія: 1) удалить полицію изъ университета, 2) отдать разборъ всего дѣла правленію университета, 3) происшествіе 8-го февраля предать гласности и 4) отмѣнить запрещеніе свободы студенческихъ сходокъ, общихъ заявленій и студенческаго суда.

17-го на дверяхъ университета появилось объявленіе о временномъ прекращеніи лекцій и студентамъ, у которыхъ полиція отобрала билеты, запрещалось ходить въ университетъ. Въ министерствахъ народнаго просвѣщенія и внутреннихъ дѣлъ встрѣтили петицію профессоровъ враждебно и наговорили дерзостей тѣмъ изъ профессоровъ, которые пришли хлопотать о студентахъ.

Общественное мнѣніе и печать, за исключеніемъ реакціонной троицы: „Московскихъ Вѣдомостей“, „Новаго Времени“, „Гражданина“, были, хотя и робко, на сторонѣ студентовъ. Всѣ сознавали, что протестуя противъ дикаго произвола полиціи, студенты борются не за свое только, а и за общерусское дѣло—охрану личной неприкосновенности. А правительство еще болѣе убѣждало студентовъ въ правотѣ ихъ требованій и усиливало сочувствіе общества къ нимъ новыми проявленіями административно-полицейскаго произвола. Въ Петербургѣ и Москвѣ начались аресты и высылки студентовъ. Хватали и высылали безъ разбора. Изъ одного петербургскаго университета было исключено и выслано 78 человѣкъ, изъ технологическаго института исключили всѣхъ оканчивающихъ раньше университетъ. —Они-де, какъ люди солидные, особенно должны были препятствовать самовольному закрытію

института. Изъ Москвы было выслано административнымъ порядкомъ 222 студента и правленіемъ университета исключено 164 студента. При высылкахъ, какъ водится, полиція сводила старые счеты — высылали замѣченныхъ раньше въ участіи на демонстраціи по поводу смерти Вѣтровой и вообще бывшихъ „политически-неблагонадежными“ въ глазахъ полиціи. Эти новые акты произвола вызывали еще большее возмущеніе студенчества и всего интеллигентнаго общества.

Наконецъ и правительство убѣдилось, что грубой силой нельзя принудить студентовъ къ покорности. 17-го февраля было особое совѣщаніе комитета министровъ „по поводу тѣхъ несчастныхъ недоразумѣній“ (слова Витте), жертвами которыхъ были петербургскіе студенты. Витте представилъ записку, въ которой доказывалъ необходимость мягкаго отношенія къ студентамъ. „Говоря о настоящемъ весьма прискорбномъ случаѣ, я тѣмъ не менѣе не могу не отмѣтить того на мой взглядъ отраднаго факта, что настоящіе безпорядки, въ противоположность студенческимъ волненіямъ, которыя на моихъ глазахъ происходили въ 60-хъ, 70-хъ, и 80-хъ годахъ, лишены, повидимому, всякой политической окраски и возникли исключительно на почвѣ тѣхъ недоразумѣній, которыя имѣли мѣсто по поводу домашнихъ университетскихъ дѣлъ между студентами и ихъ начальствомъ“, ораторствовалъ Витте. Прежде всего хороши эти „несчастныя недоразумѣнія“ и „прискорбные случаи“, которые *систематически* практикуются полиціей то по отношенію къ рабочимъ-стачечникамъ, то къ „бунтовщикамъ“-крестьянамъ. Какъ-будто господинъ Витте не знаетъ, что дикій произволъ администраціи и полиціи въ Россіи не „случай“ и „недоразумѣніе“, а *система*. А движеніе, направленное къ борьбѣ съ этой системой, не нуждается въ политической „окраскѣ“: при русскихъ условіяхъ оно *по существу* политическое, *независимо даже отъ воли участниковъ*. Стачка рабочихъ вѣдь то-же не имѣетъ политической „окраски“ въ странахъ, гдѣ она есть дозволенный закономъ способъ борьбы рабочихъ съ фабрикантами, а не считается уголовнымъ преступленіемъ, какъ у насъ. Въ Россіи же каждая стачка есть одновременно и протестъ противъ политическаго безправія рабочаго класса. Такъ и борьба учащейся молодежи за неприкосновенность личности и противъ дикихъ насилій полиціи въ странѣ, гдѣ административно-полицейскій произволъ является господствующей системой и „опорой“ самодержавнаго трона, не можетъ не быть политической, какъ это ни прискорбно господину Витте и К-о. Характеръ движенія не измѣняется и оттого, что въ числѣ избитыхъ нагайками оказались будто-бы сынки русскихъ сенаторовъ и другихъ важныхъ птицъ.

Это обстоятельство, какъ и желаніе подставить ножку Горемыкину, могло быть причиной заступничества Витте за студентовъ,

но политическій характеръ студенческаго движенія отъ этого не измѣняется. *Повторяемъ—это совершенно независимо, а, можетъ быть, даже противъ желаній и воли громаднаго большинства студентовъ,—только въ силу безобразныхъ политическихъ условій Россіи, дѣлающихъ мирную защиту своихъ гражданскихъ правъ и личной неприкосновенности государственнымъ преступленіемъ въ глазахъ полицейско-самодержавнаго правительства.*

На совѣщаніи большинство членовъ: Витте, Хилковъ, Муравьевъ (иностр. дѣлъ), Ермоловъ и Протасовъ высказались за предложеніе Витте „ходатайствовать предъ Его Имп. Вел. о возложеніи имъ на лицо, облеченное особымъ монаршимъ довѣріемъ... разбора печальныхъ происшествій 8-го февраля". Противъ этого были Побѣдоносцевъ, Боголѣповъ, Горемыкинъ и Муравьевъ (министръ юстиціи).

20-го февраля въ „Правительственномъ Вѣстникѣ" появилось краткое сообщеніе, что всестороннее разслѣдованіе причинъ и обстоятельствъ" событій 8-го февраля поручено императоромъ генералу-адъютанту Ванновскому, а умиротвореніе студентовъ предоставлено главнымъ начальникамъ учебныхъ заведеній. Въ тотъ же день на собраніи уполномоченныхъ всего петербургскаго студенчества было рѣшено продолжать забастовку, пока не будутъ удовлетворены требованія студентовъ и возвращены всѣ исключенные товарищи. Такое же рѣшеніе приняло и московское студенчество. Стойкость учащейся молодежи заставила общую и университетскую полицію пойти на дальнѣйшія уступки: высланные и уволенные студенты Петербурга и Москвы были возвращены, за исключеніемъ нѣсколькихъ „главныхъ агитаторовъ". Университетское начальство вынуждено было признать право студентовъ устраивать сходки для обсужденія дальнѣйшаго образа дѣйствій и вести оффиціальные переговоры съ уполномоченными отъ студенчества.

Подъ вліяніемъ этихъ уступокъ движеніе въ столицахъ начало было затихать, когда *новыя проявленія административно-полицейскаго произвола* надъ студентами провинціальныхъ университетовъ вызвали опять дружный протестъ всего россійскаго студенчества.

Уже послѣ 20-го февраля изъ Кіева были высланы сначала 55 „главныхъ агитаторовъ", а затѣмъ еще болѣе 200 человѣкъ студентовъ, въ томъ числѣ совершенно безъ всякихъ основаній 160 евреевъ, изъ Варшавы было выслано 333 студента, изъ Томскаго университета было исключено 45 „особенно замѣченныхъ въ подстрекательствѣ" студентовъ; въ Харьковѣ 24-го февраля всѣ студенты были „признаны, согласно распоряженію высшаго учебнаго начальства, уволившимися изъ университета", а 10 марта были также уволены всѣ студен-

ты Кіевскаго университета. Видя столь недвусмысленные результаты „царской милости", россійская учащаяся молодежь отвѣтила новой всеобщей забастовкой въ Петербургѣ и Москвѣ, которая началась въ половинѣ марта, а въ другихъ университетскихъ городахъ движеніе и безъ того не прекращалось. Къ борьбѣ противъ дикихъ насилій полиціи присоединилась борьба съ административнымъ произволомъ въ защиту личной неприкосновенности.

Опять закипѣла дѣятельность организаціонныхъ комитетовъ, начали печататься ежедневно извѣстія о ходѣ забастовки, возобновились сходки и голосованія студентовъ, и сношенія между различными городами. 17-го марта были объявлены уволенными всѣ студенты петербургскаго и московскаго университетовъ, причемъ новый пріемъ зависѣлъ отъ произвола министра народнаго просвѣщенія, которому предоставлялось „фильтровать" студентовъ и отказывать въ пріемѣ всѣмъ заподозрѣннымъ общей или университетской полиціей—старая полицейская уловка. Были объявлены закрытыми и другія высшія учебныя заведенія Петербурга и Москвы. На ряду съ этимъ начались ожесточенныя преслѣдованія студентовъ полиціей—массовыя аресты и высыки, сажанія въ тюрьмы и цитадель (Варшава). Одинъ за другимъ арестовывались организаціонные комитеты по нѣскольку въ каждомъ учебномъ заведеніи. Число жертвъ студенческаго движенія возросло до громадныхъ размѣровъ. Къ концу марта изъ Москвы было выслано 2.160 студентовъ (изъ нихъ 760 по распоряженію охраннаго отдѣленія и 1.000 исключены правленіемъ университета, остальные сами не подали прошеній о пріемѣ ихъ), въ Петербургѣ изъ университета была исключена къ тому времени первая партія въ 400 человѣкъ, въ Технологическомъ Институтѣ 347, на Высшихъ Женскихъ Курсахъ 218, изъ Кіева выслано 358, изъ Варшавскаго университета 165, Политехникума — 140, Ветеринарнаго Института 130, кромѣ того 22 фармацевта, изъ Одессы 43, изъ Томска 49 студентовъ. Но и это проявленіе правительственнаго неистовства не остановило студенческаго движенія, а лишь обострило протестующее настроеніе учащейся молодежи и усилило сочувствіе передового общества къ смѣлымъ борцамъ противъ дикаго произвола властей.

2-го апрѣля опубликовано правительственное сообщеніе о ходѣ студенческаго движенія. Оно стремится извратить факты и хочетъ оправдать жестокости правительства, умолчавъ совершенно о дѣйствительныхъ причинахъ студенческаго протеста. Авторъ „сообщенія", вѣроятно секретарь Горемыкина, въ потѣ лица силится доказать, что движеніе вызвано соціалистами и студентами угнетенныхъ національностей — поляками и евреями. Первое не шутя доказывается тѣмъ, что у одного изъ арестованныхъ членовъ петербургскаго организаціоннаго комитета найдено въ картузѣ „2 экземпляра № 4 революціонной подпольной газеты „Ра-

бочая Мысль“ и 1 экземпляръ 5-го номера той-же газеты“, и что въ Москвѣ и Кіевѣ появились за это время прокламаціи соціалистовъ-революціонеровъ „Къ учащейся молодежи“. А главную роль поляковъ и евреевъ въ студенческомъ движеніи Горемыкинъ считаетъ доказанной тѣмъ фактомъ, что кіевская полиція безъ всякихъ основаній выслала 160 студентовъ-евреевъ, а варшавская—заперла въ цитадель массу польскихъ студентовъ. Что можетъ быть проще и убѣдительнѣе такихъ доказательствъ? Представляя студенческое движеніе дѣломъ „инородцевъ“ и революціонеровъ, правительство сможетъ извинить жестокость своихъ преслѣдованій лишь въ глазахъ „патріотовъ“ мракобѣсія во вкусѣ „Новаго Времени“ и „Московскихъ Вѣдомостей“. А что ему не удалось этого сдѣлать въ глазахъ всей интеллигентной и честномыслящей Россіи, это можно было видѣть даже по настроенію легальной, подцензурной прессы. Не доромъ Соловьевъ предупредительно надѣлъ ей *двойной* цензурный намордникъ еще въ день закрытія столичныхъ университетовъ, запретивъ писать что-либо о студенческомъ движеніи. (См. его секретный циркуляръ редакціямъ. „Рабочее Дѣло“ № 2-ой).

Любопытно заключеніе правительственнаго сообщенія, въ которомъ говорится, что хотя въ безпорядкахъ принимала участіе „сравнительно *меньшая часть* слушателей, изъ большинства высшихъ учебныхъ заведеній оказалось необходимымъ исключить *довольно значительное число* студентовъ“ (курсивъ нашъ) за „упорство къ продолженію безпорядковъ“ и „такъ какъ по требованію учащихся никакого отступленія отъ уставовъ, положеній и правилъ, дѣйствующихъ въ учебныхъ заведеніяхъ.....допущено быть не можетъ“. Здѣсь опять характерно полное умалчиванье о главныхъ требованіяхъ студентовъ и дѣйствительной причинѣ движенія. Наконецъ, правительственное сообщеніе говоритъ о дальнѣйшей судьбѣ тысячъ „упорствующихъ“ студентовъ, исключенныхъ и высланныхъ безъ суда и слѣдствія, по грубому произволу администраціи. Правительство какъ бы утѣшаетъ благонамѣренныхъ папенекъ и маменекъ: „принятіе этой мѣры не лишитъ многихъ изъ уволенныхъ, *отрезвившихся отъ заблужденій*, въ которыя они были *вовлечены по юношескому невѣдѣнію* и *неопытности*, возможности быть вновь принятыми въ учебчыя заведенія и окончить свое образованіе, но во всякомъ случаѣ это снисхожденіе можетъ быть лишь послѣдствіемъ *сознанія* ими своихъ *ошибокъ и заблужденій*, а не результатомъ *насильственныхъ дѣйствій скопомъ* (курсивъ нашъ) въ ошибочномъ разсчетѣ, что значительное число исключенныхъ изъ заведеній поставитъ эти заведенія въ затруднительное положеніе“. Здѣсь каждое слово пахнетъ департаментомъ полиціи, и это высокомѣрно-презрительное отношеніе ко всему россійскому студенчеству и священный ужасъ предъ „дѣйствіемъ скопомъ“ и наглое признаніе, что судьба „значительнаго числа исключенныхъ“ безраз-

лична правительству, не ставитъ его въ „затруднительное положеніе“. Учащался молодежь всей Россіи, сознательно и планомѣрно ведущая борьбу съ полицейской нагайкой и административнымъ произволомъ, выставляется мальчишками, которые „вовлечены (кѣмъ?) по юношескому невѣдѣнію и неопытности“ и которые могутъ ждать „снисхожденія“, лишь покаявшись въ своихъ „ошибкахъ и заблужденіяхъ“. Итакъ защита личной неприкосновенности —„ошибка“, протестъ гражданъ противъ насилій полиціи —„заблужденіе“, а бороться противъ битья нагайками и административныхъ высылокъ можно лишь „по юношескому невѣдѣнію и неопытности“?! Не мѣшаетъ запомнить эти откровенные взгляды „миротворческаго“ правительства. Заключительная угроза нравительства направлена противъ „тѣхъ, которые, пользуясь случаемъ, направляютъ свои усилія къ тому, чтобы увлекать учащуюся молодежь на путь преступныхъ дѣйствій, *преслѣдующихъ противоправительственныя* и ничего общаго съ назначеніемъ учебныхъ заведеній не имѣющія *цѣли*“. *„Въ отношеніи этихъ лицъ будутъ неуклонно принимаемы установленныя закономъ мѣры взысканія“.* Здѣсь правительство разумѣетъ соціалистовъ, только зачѣмъ-же оно стыдливо прикрывается „установленными законами“, когда именно въ отношеніи „государственныхъ преступниковъ“, будь они изъ интеллигентной или рабочей среды, съ особой беззастѣнчивостью господствуетъ дикій произволъ администраціи и полиціи? Даже по россійскимъ „установленнымъ законамъ“ не наказываютъ безъ суда воровъ и разбойниковъ, а тысячи борцовъ за свободу и благо рабочаго народа уже десятки лѣтъ безъ всякаго суда, „административнымъ порядкомъ“, по жандармско-полицейскому „усмотрѣнію“ запираются въ тюрьмы и ссылаются въ Сибирь.

Какъ видимъ, правительство уже напередъ рѣшило участь избитыхъ полиціей и уволенныхъ студентовъ,—оно вынесло имъ обвинительный приговоръ, не дожидаясь результатовъ слѣдствія Ванновскаго и показывая этимъ, что „Высочайшее повелѣніе“ о „всестороннемъ разслѣдованіи причинъ и обстоятельствъ безпорядковъ“ была простой комедіей для отвода глазъ политическимъ младенцамъ.

Это заключеніе подтверждается вполнѣ, когда читаешь напечатанное въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ отъ 24-го мая „высочайшее благоволеніе“. Прежде всего царь „соизволилъ выразить *Свое крайнее прискорбіе и неудовольствіе*, что подобные безпорядки, распространившіеся почти на всѣ высшія учебныя заведенія Имперіи, могли возникнуть и продолжаться въ теченіе почти трехъ мѣсяцевъ“. Хоть и не вполнѣ ясно, за то чувствительно! Только почему же его величество не „соизволили“ избавить себя отъ „крайняго прискорбія“? Вѣдь отъ „высочайшаго благоволенія“ зависѣло тотчасъ же послѣ дикаго насилія полиціи надъ студентами примѣрно наказать этихъ Клейгельсовъ и бароновъ

Нолькенъ, виновныхъ въ „примѣненіи, безъ особой необходимости, одной изъ крайнихъ мѣръ воздѣйствія на толпу“—битья нагайками. Тогда не произошло бы студенческихъ волненій, а значитъ, не было бы и повода къ высочайшей „грусти“. Были же наказаны не царскіе опричники, а избитые нагайками студенты и ихъ товарищи, выступившіе на защиту личной неприкосновенности.

Признавъ, наконецъ, что дикая расправа полиціи и защита „поруганной будто бы(?!) чести“, а не желаніе избавиться отъ экзаменовъ и т. п., была дѣйствительной причиной студенческаго движенія, царь смотритъ на само избіеніе безоружной толпы полиціей какъ на „обоюдныя насильственныя дѣйствія, начатыя студентами“, а на ходъ движенія то-же чисто полицейскими глазами.

„Дальнѣйшее развитіе безпорядковъ... возбуждено было нѣкоторой частью учащихся, составляющей незначительное меньшинство“. Объ этихъ „зачинщикахъ“ говорится, что они „возобладали надъ толпою насиліемъ и устрашеніемъ“, а затѣмъ „присоединилась агитація отдѣльныхъ злонамѣренныхъ лицъ, желавшихъ воспользоваться готовою почвой неудовольствій и волненій среди молодежи для распространенія въ ней прокламацій и подпольныхъ изданій политическаго и противоправительственнаго характера“. Теорія „зачинщиковъ“ и „отдѣльныхъ злонамѣренныхъ лицъ“ составляетъ верхъ полицейской мудрости, дальше этого не пошелъ и россійскій самодержецъ. У него то-же „незначительное меньшинство“ чудодѣственнымъ образомъ „возобладало надъ толпою насиліемъ и устрашеніемъ“. Уже 25.000 участниковъ движенія и громадное число исключенныхъ студентовъ опровергаютъ полицейскую сказку о „незначительномъ меньшинствѣ“ и „злонамѣренныхъ лицахъ“, какъ причинѣ движенія. Кромѣ того, даже въ царскомъ рѣшеніи указываются не только ближайшія, а и *общія причины* недовольства студентовъ. „Изслѣдованіе обнаружило, что и въ самомъ строѣ и внутреннихъ порядкахъ высшихъ учебныхъ заведеній существуютъ общія причины, содѣйствовавшія возникновенію и распространенію безпорядковъ, давая для нихъ готовую почву. Главнѣйшія изъ нихъ: разобщенность студентовъ между собою, съ профессорами и съ учебнымъ начальствомъ, частью равнодушное, частью несоотвѣтственное отношеніе нѣкоторыхъ изъ числа профессоровъ къ правильному и серьезному направленію ума и взглядовъ ввѣренной ихъ руководству молодежи; отсутствіе за молодежью всякаго надзора“ и „скученность учащихся въ одномъ и томъ-же заведеніи“...

Причемъ-же тутъ спрашивается „зачинщики“, разъ на лицо и ближайшія и общія причины движенія? А правительству всегда нужны „зачинщики“ и „злонамѣренные люди“, чтобы оправдать затѣмъ неистовства полиціи и произволъ администраціи.

Наши россійскіе Маниловы, любящіе помечтать, навѣрное усмотрятъ въ перечисленіи „общихъ причинъ“ желаніе правитель-

ства кореннымъ образомъ улучшить постановку высшаго образованія, а въ указаніи на „разобщенность студентовъ между собой“ чуть-ли не сознаніе необходимости дать студенчеству полную свободу сходокъ, обществъ и т. п.

А намъ кажется, что устраненіе этихъ „общихъ причинъ“ въ духѣ господъ Боголѣповыхъ, Побѣдоносцевыхъ и Горемыкиныхъ значитъ—превращеніе университетовъ и другихъ высшихъ заведеній въ закрытые институты благородныхъ юношей и дѣвицъ,—устраненіе „разобщенности“ студентовъ путемъ казенныхъ общежитій, гдѣ учащаяся молодежь будетъ въ тѣсномъ „общеніи“ съ увеличеннымъ штатомъ инспекціи и педелей, а „умы и взгляды“ ея будутъ „направляться“ въ сторону „православія, самодержавія и народности“ профессорами, которые окажутся „соотвѣтственными“ по мнѣнію департамента полиціи и святѣйшаго синода. Тогда лишь бѣдная учащаяся молодежь, страдающая отъ „отсутствія всякаго надзора“ (теперь за нею слѣдятъ лишь жандармы, полиція, инспекція, педеля и шпіоны), будетъ имѣть его вдоволь. Разговоръ о „скученности“ выдаетъ желаніе правительства разогнать большинство студентовъ изъ Петербурга и Москвы въ провинціальные университеты. Не этимъ ли желаніемъ избавить столицу отъ безпокойнаго студенчества объясняется между прочимъ и рѣшенное министерствомъ перенесеніе петербургскаго Лѣсного Института въ провинціальную глушь? Лѣсной Институтъ велъ себя во время общей забастовки замѣчательно единодушно. Измѣнниковъ товарищескому дѣлу въ немъ почти совсѣмъ не было.

Въ чемъ же заключается царскій приговоръ по студенческому дѣлу?

„Государь Императоръ призналъ за благо и Высочайше повелѣть соизволилъ:

1) Объявить Свое *неудовольствіе ближайшимъ начальникамъ и учебному персоналу* высшихъ учебныхъ заведеній, что они не сумѣли пріобрѣсти достаточнаго авторитета и моральнаго вліянія на ввѣренныхъ ихъ руководству учениковъ“, т. е. не уговорили студентовъ молча и покорно снести полицейскія нагайки.

Очевидно, заботясь о повышеніи „авторитета и моральнаго вліянія“ профессоровъ, царь „повелѣть соизволилъ“ дать имъ чрезъ министерство головомойку—„принять надлежащія *мѣры внушенія, а если нужно строгости*“, т. е. выгнать изъ университетовъ еще нѣсколько хорошихъ профессоровъ, а остальныхъ еще больше „приструнить“.

2) „Чинамъ с.-петербургской городской полиціи, кои указаны въ разслѣдованіи генералъ-адъютанта Ванновскаго, должны быть *поставлены на видъ неумѣлыя* и несоотвѣтственныя предворительныя *распоряженія* по охраненію уличнаго порядка въ день 8-го февраля“.

3) „Къ прискорбію, во время происходившихъ смутъ, мѣстное

общество не только не оказало содѣйствія усиліямъ правительственныхъ властей къ поддержанію порядка и къ вразумленію заблуждавшагося и взволнованнаго юношества, *но во многихъ случаяхъ само содѣйствовало безпорядкамъ*, возбуждая одобреніемъ взволнованное юношество и дозволяя себѣ неумѣстное вмѣшательство въ сферу правительственныхъ распоряженій. *Подобныя смуты на будущее время не могутъ быть терпимы и должны быть безъ всякаго послабленія подавляемы строгими мѣрами правительства*".

4) „Что касается тѣхъ *студентовъ и слушателей, кои, не будучи изобличены въ дѣйствіяхъ и стремленіяхъ, имѣющихъ политическія цѣли*, оказались виновными лишь какъ руководители и участники въ произведенныхъ безпорядкахъ, то *отъ подлежащихъ министровъ*, въ вѣдѣніи коихъ состоятъ высшія учебныя заведенія, *будетъ зависѣть подвергнуть ихъ взысканіямъ*, съ возможнымъ снисхожденіемъ къ винѣ каждаго тамъ, гдѣ она умѣряется дѣйствіемъ общаго увлеченія" *).

Мы привели дословно все, что „призналъ за благо и Высочайше повелѣть соизволилъ" Николай II-ой. Изъ внимательнаго сопоставленія этихъ рѣшеній, легко можно видѣть, какой **Шемякинъ** судъ учинилъ царь-„миротворецъ". Профессорамъ онъ „объявляетъ Свое неудовольствіе" и приказываетъ министрамъ принять относительно нихъ „мѣры внушенія, а если нужно строгости", въ то время, какъ единственнымъ виновникамъ—чинамъ полиціи, совершившимъ возмутительное насиліе и преступленіе, „признается за благо" лишь „поставить на видъ" ихъ „неумѣлыя распоряженія".

Русскому обществу, позволившему себѣ не быть лакеями „правительственныхъ властей" и не содѣйствовать ихъ „усиліямъ" въ подавленіи студенческаго движенія, а сочувствовать борьбѣ молодыхъ гражданъ за неприкосновенность личности, съ высочайшей грубостью заявляется, что „подобныя смуты" будутъ „безъ всякаго послабленія подавляемы строгими мѣрами правительства". Интересно, какъ „мѣстное общество" отнесется къ этому новому плевку въ его вѣрноподданическую физіономію изъ устъ самодержавнаго недоросля, дерзкій окрикъ котораго о „безсмысленныхъ мечтаніяхъ" оно проглотило съ рабской покорностью.

Ну, а какъ разсудилъ царь студентовъ? Онъ „призналъ за благо" отдать русское студенчество на прозволъ министровъ и государственной полиціи; отъ первыхъ „будетъ зависѣть подвергнуть ихъ (студентовъ) взысканіямъ" за „руководительство и участіе въ произведенныхъ безпорядкахъ", а вторая займется чрезъ шпіоновъ „изобличеніемъ" студенчества „въ дѣйствіяхъ и стремленіяхъ, имѣющихъ политическія цѣли" и наказаніемъ „изобли-

*) Курсивъ вездѣ нашъ. С.

ченныхъ“ безъ всякаго суда. Такимъ образомъ, по волѣ царя, судьба всей учащейся молодежи—окончательное исключеніе или обратный пріемъ, высылка или тюремное заключеніе тысячъ уволенныхъ студентовъ—отдана въ руки администраціи и полиціи, жандармовъ и шпіоновъ, которые могутъ „карать и миловать“ студентовъ по своему неограниченному произволу.

Значитъ, были и остались наказаными студенты, выступившіе на защиту личной неприкосновенности отъ дикихъ насилій полиціи и произвола администраціи. Дѣйствительные же преступники—бьющая нагайками полиція и противозаконно высылающая администрація—не только выходятъ безнаказанными, но въ ихъ руки отдается по царскому „соизволенію“ вся учащаяся молодежь Россіи. Таковъ Шемякинъ судъ царя-„миротворца“.

Да мы и не ждали другого приговора отъ азіатскаго деспота, который благодарилъ „молодцовъ-фанагорійцевъ“ за кровавую бойню надъ ярославскими рабочими-стачечниками и оставилъ безнаказаннымъ ужасное преступленіе своего дядюшки—московскаго генералъ-губернатора и высшихъ чиновъ тамошней полиціи, стоившее тысячъ жертвъ Ходынской катастрофы.

Каково же должно быть наше отношеніе къ описанному движенію россійской учащейся молодежи? Отвѣтъ ясенъ изъ предыдущаго, изъ разсмотрѣнія причинъ и цѣлей движенія, его общественнаго характера. Борется-ли студенчество за свободу науки и университетскаго преподаванія отъ полицейскаго надзора противъ административныхъ стѣсненій или за право сходокъ, студенческихъ обществъ и т. п., какъ это бываетъ при ошибочно называемыхъ *часто*-студенческими волненіяхъ, или оно смѣло протестуетъ и демонстрируетъ противъ самовластія правительства, открыто выражаетъ сочувствіе жертвамъ царизма, какъ это было въ демонстраціяхъ по поводу Ходынки, смерти Вѣтровой и открытія памятника Муравьеву-вѣшателю, или наконецъ вся учащаяся молодежь Россіи возстаетъ на защиту личной неприкосновенности гражданъ отъ насилій полиціи и произвола административныхъ властей,—передовое россійское студенчество можетъ быть увѣрено при этомъ въ полномъ сочувствіи рабочихъ-соціальдемократовъ, а въ будущемъ разсчитывать и на ихъ *дѣятельную и рѣшительную* помощь въ борьбѣ противъ общаго врага. Соціальдемократы знаютъ, что все студенчество не представляетъ однородной массы съ одинаковыми цѣлями и стремленіями, что на ряду съ убѣжденными соціалистами и врагами Правительства среди студентовъ есть много карьеристовъ, „патріотовъ“, „бѣлоподкладочниковъ“ и „земскихъ начальниковъ“, а также людей, къ сожалѣнію, мало интересующихся жгучими вопросами современности, злобами дня общественно-политической жизни своей родины. Но мы съ гордостью можемъ сказать, что въ рядахъ нашей интеллигентной молодежи было и есть много искреннихъ друзей рабочаго народа, глубоко преданныхъ борцовъ за его благо и сво-

боду. А опытъ настоящаго и цѣлаго ряда прошлыхъ движеній студенчества показываетъ, что въ рѣшительные моменты, когда жестокость и гнетъ самодержавнаго правительства дѣлаются особенно невыносимыми и проявляются слишкомъ возмутительно, громадное большинство русскаго студенчества выступаетъ съ энергичнымъ протестомъ. Неиспорченность жизнью, идеализмъ и святое воодушевленіе молодости берутъ тогда верхъ, увлекаютъ и ту часть интеллигентной молодежи, которая въ обыкновенное время безучастна къ злобамъ дня русской жизни. Мы только дружески напоминаемъ передовому студенчеству, что дѣйствительно опаснымъ врагомъ господствующаго въ Россіи самовластія и мракобѣсія оно будетъ лишь въ союзѣ съ рабочими. *Только содѣйствуя освободительной борьбѣ рабочаго народа и въ единеніи съ рабочей партіей оно добьется полной академической и гражданской свободы.* Славное прошлое революціонно-соціалистической интеллигенціи и самоотверженная дѣятельность, которую теперь революціонная молодежь ведетъ въ рядахъ соціальдемократической рабочей партіи, ручаются намъ за то, что и въ будущемъ цвѣтъ русской интеллигенціи пойдетъ рука объ руку съ рабочими въ ихъ освободительной борьбѣ. *Въ этомъ союзѣ работниковъ физическаго и умственнаго труда наша сила, залогъ нашей побѣды надъ врагами рабочаго народа.*

Цѣна: 30 сант.